

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РИЧАРД Б. МОРРИС О ХАРАКТЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В июне 1974 г. в Институте всеобщей истории АН СССР крупным американским ученым-историком Ричардом Б. Моррисом был прочитан доклад на тему «Американская революция как социальная революция». Имя почетного профессора Колумбийского университета Р. Морриса хорошо знакомо историкам-американистам. Он автор большого числа книг по ранней истории США, известный специалист по проблемам американской революции XVIII в.¹ В настоящее время Р. Моррис является председателем комиссии Американской исторической ассоциации по подготовке к празднованию 200-летнего юбилея этой революции и образования США. Естественно, что точка зрения этого ученого на такое важное событие в американской истории представляет большой интерес, хотя она и не во всем совпадает с оценками советских историков, занимающихся данными проблемами.

Свой доклад Р. Моррис начал с того положения, что события в Северной Америке в 1776 — 1783 гг. нельзя называть социальной революцией, если подразумевать под этим «полное ниспровержение власти одного класса другим классом», а также наличие угнетаемого и обездоленного класса, выступающего против крупных собственников и авторитарного режима как необходимой предпосылки для свершения подобной революции. Ничего подобного, по мнению Морриса, в североамериканских колониях Великобритании не было. В ходе американской революции,

¹ Среди наиболее важных трудов Р. Б. Морриса следует отметить: *A. Guide to the Principle Sources for Early American History* (1929) (совместно с E. B. Greene); *Government and Labor in Early America* (1946); *The Spirit of Seventy-Six* (1958, 1967); *The Peacemakers* (1965); *The Emerging Nations and the American Revolution* (1970) и многие другие.

как и во время Французской революции XVIII в., «подчеркивался священный характер принципа частной собственности, в обеих странах конфискация собственности носила ограниченный характер». В Америке, за исключением земельных владений Пеннов, были конфискованы лишь земельные владения контрреволюционеров и эмигрантов. Имения крупных землевладельцев, не выступавших против революции, остались у своих хозяев. Более того, для обеих революций была характерна поддержка частью крестьянства дела контрреволюции. Таким образом, Р. Моррис вместе с большинством современных историков, в том числе историков-марксистов, отмечает прежде всего буржуазный характер американской и французской революций.

Далее Р. Моррис поставил вопрос: «Однако, если американская революция не являлась в прямом смысле борьбой обездоленных против людей, захвативших все богатства, то позволительно спросить, осознавали ли в какой-либо мере современники этих событий, что в борьбе замешаны классовые интересы и что различные классы выступают друг против друга?» Р. Моррис считает, и это положение присутствует в его работах, что к моменту революции в Америке уже существовали различные классы, хотя сословные перегородки в колониальном обществе не носили столь «жесткий и застывший» характер, как это имело место в Европе. «Если систему управления Новой Англии и можно охарактеризовать как политическую демократию, то это была демократия, осуществляемая элитой. В средних колониях, в таких районах коммерческого ведения сельского хозяйства, как долины рек Гудзон и Делавэр, а также в районе Чезапика, имела место более глубокая классовая дифференциация. В северной части Нью-Йорка значительные масштабы приобрела аренда земель бедняками-фермерами у местных лендлордов...», — сказал докладчик.

Характеризуя особенности классовой структуры в разных колониях, Р. Моррис делает более общее заключение, что «везде, где аренда, использование кабальных слуг и рабского труда было основным методом ведения сельского хозяйства, социальные различия принимали более глубокий характер». Еще более глубокими, по мнению ученого, «были классовые различия между состоятельными купцами и трудовым населением колониальных городов, включающим докеров, моряков, возчиков, слуг, подмастерьев, учеников и даже безработных». Канун американской революции характеризовался обострением классовых противоречий в колониях, примером чего Моррис называет восстание фермеров-арендаторов долины р. Гудзон в Нью-Йорке, движение «регуляторов» в Северной Каролине, восстание фермеров в Нью-Джерси.

Р. Моррис дает положительный ответ на вопрос, являлось ли существование крупного землевладения одной из важнейших проблем предреволюционной Америки, хотя и не склонен считать

это явление «одной из основных причин, ускоривших конфликт». В докладе Р. Моррис привел ряд убедительных примеров, сколь напряженными были классовые противоречия внутри колониального общества накануне революции и сколь остро эта проблема осознавалась лидерами колонистов, как вигами, так и тори. Отмечая сложность и запутанность политических устремлений различных слоев и классов в колониальной Америке, Р. Моррис приходит в то же время к следующему выводу: «Хотя «низшие» слои населения колоний вследствие их специфических интересов в некоторых случаях выступали на стороне короны, представители колониальной администрации и многие тори справедливо считали, что освободительное движение зиждется главным образом на поддержке именно этих слоев».

И хотя в определении причин, приведших к американской революции, Р. Моррис отдает предпочтение причинам «конституционного характера» (отрицание права парламента облагать колонии налогами), он все же считает, что «нельзя отрицать, что революция как по своим истокам, так и по самому ходу развития имела некоторые черты если не полной социальной революции, то уже во всяком случае движения социального протеста. И, несмотря на то что американская революция возглавлялась элитой, она, как и большинство последующих революций, являлась массовым движением, которое поддерживали фермеры и ремесленники; движение это брало свои истоки в массовых собраниях и демонстрациях, а затем вылилось в городские бунты, ряд насильственных действий против политических противников, создание самостоятельных вооруженных организаций».

Ядром предреволюционного радикального движения Р. Моррис называет организации «Сыны свободы». По его мнению, массовые выступления, руководимые этими организациями, «выходили за рамки обычных мятежей», обычно члены организаций «Сыны свободы» были достаточно дисциплинированными и использовались в качестве групп наблюдения за соблюдением соглашений о бойкоте британских товаров. «Короче говоря,— сказал докладчик,— эти выступления не были бессмысленными актами бесчинствующих подонков общества и должны рассматриваться как политический протест, направленный на выражение определенной политической позиции...»

Оценивая характер революции, Р. Моррис высказал положение, что «конституционные, юридические и политические принципы, заложенные в ходе войны за независимость, носили подлинно революционный характер». Большое внимание в обосновании этого положения Р. Моррис уделяет доктрине о равенстве, выдвинутой лидерами американской революции. Однако ученый отмечает: «Не следует забывать, что когда «отцы-основатели» говорили о равенстве, они не имели в виду социальное ра-

венство, так как все они считали, что человек, отмеченный добродетелью и талантами, должен занимать особое положение». В то же время руководители революции довольно решительно выступали против наследственной аристократии, свидетельства чего были приведены Р. Моррисом.

Далее докладчик затронул вопрос об отношении к собственности в ходе революции. «Изучая историю американской революции, — сказал Моррис, — можно отметить, что иногда отдельные группы, представляющие меньшинство, пытались толкать свои штаты в направлении левеллерства, неприемлемом для большинства». По его мнению, руководители революции пытались осуществить перераспределение собственности. «Хотя крупные земельные собственники находились как в лагере революции, так и на стороне тори, патриоты вскоре осознали опасность зарождающейся земельной монополии. В результате конфискаций огромных владений тори и открытия для продажи земель короны на Западе (такие права американцы получили вследствие Парижского мирного договора), в стране появилась возможность создания нового общества сравнительно мелких землевладельцев. Однако необходимы были быстрые и решительные меры, так как в противном случае земля могла попасть в руки всевозможных дельцов и спекулянтов». В качестве примера таких решительных действий Р. Моррис назвал попытки Т. Джефферсона в Виргинии ограничить крупное землевладение, но в то время это направление его деятельности не приобрело всеобщего характера, и крупное землевладение, особенно в форме майората, частично сохранилось в ходе революции.

Эта же двойственность, по мнению Р. Морриса, наблюдалась и в вопросе о «конфискации собственности свергнутого класса». Конфисковав имущества лоялистов в ходе революции, после нее Соединенные Штаты все же взяли на себя обязательство выплачивать долги американских граждан английским кредиторам. «Приняв это компромиссное решение, — сказал докладчик, — американцы тем самым впредь отказывались от своих революционных принципов неуплаты долгов, и сейчас среди наиболее свято чтимых принципов почетное место занимает доктрина Гамильтона, провозглашающая, что «всякое нарушение общественных обязательств, произвольное или вызванное необходимостью, является в разной степени вредным для государственного кредита».

Говоря о результатах американской революции, Р. Моррис отметил, что революция создала благоприятные условия для возникновения новой категории состоятельных людей, особенно в таких областях, как каперство, производство оружия и боеприпасов, торговля и спекуляция. В то же время в местных органах власти увеличилась доля людей из сравнительно менее обеспеченных слоев населения. В легислатурах штатов процентное отношение купцов и юристов уменьшилось, в то время как число фермеров в эти годы увеличилось вдвое.

Достижение определенной степени равноправия для белых американцев стало, как считает Р. Моррис, «наиболее важной и основополагающей чертой нового американского общества... Однако все эти важные изменения, которые принесла революция в американское общество, ничуть, к сожалению, не коснулись положения негров».

Р. Моррис напомнил, что в ходе революции предпринимались отдельные попытки покончить с рабством, а в некоторых южных штатах процесс освобождения негров в 80-х годах принял довольно широкий характер. Но «печальный факт состоял в том, что на стороне патриотов находилось большинство крупных рабовладельцев Юга». «Отцы-основатели, которые не смогли решить проблему неравенства негров в ходе революции, а затем сумели избежать обсуждения этого вопроса во время федерального конвента, тем самым на значительное время отсрочили осуществление принципов и обещаний, воплощенных в Декларации независимости. Долгая история борьбы против рабства и движения за гражданские права в Соединенных Штатах дает нам многочисленные доказательства того, что честные люди Америки всегда считали неравноправие негров невыполнением великого завета американской революции».

В заключение Р. Б. Моррис отметил, что «революция — явление чрезвычайно сложное, не составляет исключения и американская революция». По своим истокам и целям американская революция была антиколониальной войной за независимость и национальный суверенитет. В то же время на ее ход наложили свой отпечаток стремления добиться в обществе равноправия. «Попытки интерпретировать революцию как чисто политическое движение не могут объяснить многого из того, что произошло в ходе революции, — считает ученый. — Именно такое понимание двойственности американской революции и делает ее событием не только американским, но и крупнейшим явлением в мировой истории».

В. А. Тишков